

ЛЮДСКИЕ СТОНЫ

КАЛИГУЛЯТОР БЕСПОЩАДНЫЙ

18+

КАЛИГУЛЯТОР БЕСПОЩАДНЫЙ ЛЮДСКИЕ СТОНЫ

«Автор»

2026

БЕСПОЩАДНЫЙ К.

ЛЮДСКИЕ СТОНЫ / К. БЕСПОЩАДНЫЙ — «Автор», 2026

Он носит идеально отутюженные костюмы и создает цифровые миры, пока его пальцы, помнящие скальпель, жаждут иного ремесла. Ворко — бывший светило хирургии, превративший свою гениальность в изощренную вендетту, где каждая капля чужой спермы становится ядом для судьбы невинного. По выходным он покидает свой офисный рай, чтобы спуститься в ад городских окраин, где бездомные становятся лишь расходным материалом в его кровавой алгебре. Он не убивает ради страсти — он ставит диагноз обществу, прижигая его раны чужими преступлениями, оставаясь невидимым хирургом правосудия. Десять тысяч жертв, десять тысяч подставленных жизней, и ни одна ниточка не ведет к нему, потому что он играет по правилам, где ДНК — это лишь оружие лжи. Но что делает бог, когда его игра ему надоедает? Он просто уходит, оставляя за спиной немой крик города, который так и не понял, кого он потерял.

© БЕСПОЩАДНЫЙ К., 2026

© Автор, 2026

КАЛИГУЛЯТОР БЕСПОЩАДНЫЙ ЛЮДСКИЕ СТОНЫ

Глава 1. Аккредитация ада

Ворко никогда не носил перчатки в офисе. Это была его маленькая привилегия — чувствовать холод клавиш под подушечками пальцев, слышать сухой стук механической клавиатуры, который успокаивал его лучше любых таблеток. Сейчас, в субботу в девять утра, в здании корпорации «Эпицентр-Техно» было пусто, и он сидел в своем угловом кабинете на сорок третьем этаже, глядя на город, который просыпался где-то далеко внизу. За его спиной светились мониторы с бесконечными строчками кода — он только что закончил патч для системы безопасности банковского сектора, работа, которая отняла у него тридцать шесть часов чистого времени. Никто в компании не знал, что именно этот патч содержал маленький черный ход, через который Ворко мог получить доступ к базам данных любого медицинского учреждения и генетических лабораторий страны.

На столе стояла кружка с остывшим кофе. Он поднес её к губам, поморщился от горечи, но выпил до дна. Его пальцы — длинные, с идеально ухоженными ногтями — на мгновение замерли над мышкой. Двадцать лет хирургической практики научили его одному железному правилу: руки должны быть готовы в любой момент. Он помнил себя в операционной, когда под его скальпелем лежали люди, которых он спасал. Тогда он верил в клятву Гиппократата. Верил до того дня, когда увидел, как судья, которого он сам выходил после тяжелейшей аварии, вынес оправдательный приговор человеку, убившему его собственную дочь. Дочь Ворко умерла в тот же день, когда преступник вышел на свободу. И именно тогда он понял, что медицина — это не инструмент справедливости. Справедливость — это скальпель, который нужно брать в свои руки.

Он закрыл ноутбук, надел пиджак из тонкой шерсти антрацитового цвета и вышел из кабинета. Его шаги отдавались эхом в пустом холле, и Ворко поймал себя на том, что считает их — раз, два, три. Счет успокаивал. Он всегда считал, когда планировал операцию. В лифте он достал телефон и открыл папку, которую назвал «Материалы». Там были досье. Тысячи досье на людей, которых общество называло «успешными», а Ворко называл просто — «гнойниками». Сегодня его интересовал один конкретный гнойник — Марк Литвинов, старший кассир филиала «Национального Кредитного Банка». Марк был красив, молод, носил итальянские ботинки и имел жену-красавицу. А еще Марк уже два года переводил деньги со счетов пенсионеров на свои офшорные счета, оставляя стариков без средств к существованию. Ворко знал это доподлинно, потому что взломал личный ноутбук Марка, когда тот забыл его в фитнес-клубе. Там были файлы, переписки, паспортные данные умерших клиентов, чьими смертями он умело прикрывал свои махинации.

Ворко вышел из офиса через черный ход. Его «Ауди» с тонированными стеклами стояла в подземном паркинге. Он сел за руль, завел двигатель и позволил себе закрыть глаза на три секунды. Три секунды — это время, за которое анестезиолог вводит препарат в вену пациента. За эти три секунды он мысленно прокрутил план. Шаг первый: забрать образец. Шаг второй: найти исполнителя. Шаг третий: операция. Шаг четвертый: очистка. Просто, как синусоида.

Через час он стоял у дверей клиники «Геном-Профи», которая работала как банк спермы для элитной клиентуры. Ворко показал поддельное удостоверение сотрудника санэпидемстанции и прошел в хранилище. Девушка-лаборант, зевающая от скуки, даже не посмотрела на его лицо — она смотрела на его костюм и часы за сто тысяч долларов. «Эти богачи всегда такие странные», — подумала она, когда Ворко попросил доступ к ячейкам «особого хранения». Он знал, что Литвинов сдавал свой материал раз в полгода из-за редкого генетического заболевания.

ния, которое было в его семье, — Ворко добыл эту информацию из больничной базы в ту же ночь, когда пилил патч для банка.

Он открыл криогенный контейнер с образцом номер 4783, проверил маркировку и аккуратно перелил дозу в свой миниатюрный термос со специальным буферным раствором. Пальцы его не дрожали. Они никогда не дрожали. Он закрыл контейнер, улыбнулся лаборантке своей самой обаятельной улыбкой — той, которую он оттачивал перед зеркалом два месяца — и покинул клинику. В машине он достал планшет и открыл список, который назывался «Расходники». В этом списке было триста семьдесят четыре имени — бомжей, алкоголиков, отбросов общества, которых никто никогда не хватится. Но сегодня Ворко выбрал не случайного. Он выбрал того, кто сам подписал себе приговор.

Его звали Геннадий Степанович Кузьмин, шестьдесят один год, бывший учитель биологии, который после смерти жены ушел в запой, потерял квартиру и жил теперь в картонной коробке возле станции метро «Войковская». Ворко заприметил его три недели назад, когда тот читал вслух учебник по анатомии, который нашел в мусорном баке. Геннадий Степанович читал его пьяным голосом, запинаясь, но в каждом слове чувствовалась тоска по утраченному знанию. Именно это и решило всё. Ворко нужен был не просто безвольный труп. Ему нужен был тот, кто понимал, что с ним делают, потому что самая страшная пытка — это узнавание.

Ворко припарковался в трех кварталах от метро и пошел пешком. На нем была старая, поношенная куртка, которую он специально хранил в багажнике, — она пахла сыростью и дешевым табаком. Он купил в ларьке поллитра водки и буханку хлеба. Лицо его стало другим — он слегка опустил плечи, прищурил глаза, сделал походку неуверенной и шаткой. Он был актером. Лучшим актером из всех, кого он знал.

— Эй, профессор, — окликнул он Геннадия Степановича. Тот поднял голову. У него были мутные, заплавленные глаза, щеки в седой щетине, а на пальцах — грязь, въевшаяся в каждую морщину. Но в этих глазах вдруг мелькнула искра узнавания — мужчина смотрел на бутылку, как смотрят на спасение.

— Я тебя знаю? — прохрипел Геннадий Степанович.

— Ты меня не знаешь, а я тебя знаю, — мягко сказал Ворко, присаживаясь на корточки. Он говорил тихо, почти нежно, как говорят с больными детьми. — Ты учитель, я слышал. Я тоже учусь. Мне нужно, чтоб ты мне кое-что рассказал. За это я дам тебе выпить.

Геннадий Степанович засмеялся — надрывно, кашляя, с мокротой. — Рассказал? Чай, не на исповеди.

— Ты знаешь, как выглядит внутреннее строение человека? — спросил Ворко, и в его голосе зазвенела та самая сталь, от которой мороз пробежал по коже даже у него самого. — Помнишь, как на уроках рисовали схемы?

Старик сглотнул. Он вдруг стал трезвее, словно почувствовал запах опасности — тонкий, химический запах, который исходил от Ворко. Но водка перевесила. Она всегда перевешивает.

— Помню, — выдохнул он и протянул руку к бутылке.

Ворко улыбнулся и отдал ему поллитра. Геннадий Степанович жадно припал к горлышку, и Ворко на мгновение увидел биение его кадыка. «Каротидная артерия, — подумал он. — Пульсирует как метроном». Он уже знал, как перережет её через четыре часа. Он уже видел этот момент, прокручивал его в голове, когда зашивал разорванную печень у восьмилетнего мальчика в две тысячи седьмом году. Тогда он спас жизнь. Теперь он будет спасать справедливость.

— Пойдем со мной, — сказал Ворко, вставая и помогая старику подняться. — У меня тут подвал, там тепло. Там я тебя накормлю.

Геннадий Степанович засмеялся снова, но смех его уже был похож на скулеж. Он не понимал, почему идет. Он шел, потому что в его теле не осталось ничего, кроме инстинкта — движения вперед, за теплом, за выпивкой. Они шли по дворам, мимо брошенных гаражей,

и Ворко чувствовал, как адреналин начинает потихоньку разгонять кровь. Он любил это ощущение — предвкушение. Как перед самым сложным разрезом, когда анестезия уже действовала, когда все инструменты разложены, и ты знаешь, что от твоих пальцев зависит всё. Только сейчас зависит не жизнь, а смерть, и это было прекрасно в своей абсолютной гармонии.

Подвал, который он снял, был его мастерской. Это была бывшая ремонтная мастерская, звукоизолированная, с бетонными стенами и единственной лампочкой под потолком. В углу стоял деревянный стол — хирургический стол Ворко соорудил сам, с креплениями для рук и ног, с подголовником и желобками для стока крови. Он провел туда отопление, провел свет, а главное — привез свой арсенал. В металлическом чемодане лежали скальпели, зажимы, пинцеты, иглодержатели — всё, что он использовал двадцать лет в лучших клиниках Москвы. Он даже привез свой старый хирургический халат, который пах формалином и старым потом. Надевая его, он становился самим собой.

Геннадий Степанович замер на пороге. Он увидел стол. Увидел ремни. Увидел капельницы, которые Ворко установил на случай, если жертва потеряет слишком много крови слишком рано. Он хотел, чтобы операция длилась долго. Он хотел разговора.

— Зачем? — спросил старик. Его голос дрожал, но в нем не было истерики. Только холодное осознание того, что он в мышеловке. — Ты думаешь, если я бывший учитель, я не пойму, что тут происходит? Ты хирург. Я вижу твой халат. Это халат из «Склифа».

Ворко замер на мгновение. Он не ожидал, что его опознают. Это было неприятно, но одновременно и возбуждающе. Он подошел к старику и, взяв его за плечи, усадил на стул. Потом связал руки за спиной пластиковыми стяжками, туго, почти до синяков. Геннадий Степанович зашипел от боли, но не закричал. Он смотрел прямо в глаза Ворко, и в этом взгляде была такая глубина человеческого страдания, что Ворко на секунду отвел глаза. Он никогда не отводил глаз. Сегодня он отвел. И это разозлило его.

— Сейчас я объясню тебе, что происходит, — сказал Ворко, открывая чемодан. Блеск никелированных инструментов на мгновение ослепил обоих. — Ты, учитель, сегодня станешь не просто жертвой. Ты станешь инструментом. Видишь вот этот шприц? В нем — сперма человека, который украл у стариков их последние деньги. Он — подонок. Он — гной. И когда полиция найдет твоё тело, они найдут его ДНК. Ты понимаешь?

Геннадий Степанович кивнул. Он вдруг перестал дрожать. Он смотрел на шприц, а потом на скальпель, и его лицо окаменело — той страшной окаменелостью человека, который решил умереть достойно.

— Ты думаешь, ты судья? — спросил он тихо. — Ты думаешь, что убив меня, ты покараешь его? Да он же в тюрьме будет сидеть, а не ты!

— Именно, — спокойно ответил Ворко, подходя к нему сзади. — Он будет сидеть. А я буду делать своё дело. И никто, — он сделал паузу, наклонился к самому уху старика, так что его горячее дыхание обожгло кожу, — никто никогда не узнает, что Ворко был здесь.

Он начал с пальцев левой руки. Для практики. Он всегда начинал с пальцев, когда учился на кафедре оперативной хирургии. Ему нужно было размять руки, привыкнуть к сопротивлению плоти, к хрусту сухожилий, к тому, как кровь выступает идеальными каплями, если разрез сделан правильно. Геннадий Степанович закричал на третьем пальце. Крик был низким, надрывным, как гул старого паровоза. Он бился головой о спинку стула, и Ворко пришлось зафиксировать его голову специальным ремешком.

— Тише, профессор, — прошептал Ворко. — Ты же сам учил биологию. Вспомни, как нервные окончания реагируют на боль. Это просто реакция, — он говорил это, одновременно перерезая сухожилие мизинца. — Ты знаешь, что это не смертельно. Терпи.

Слезы лились из глаз старика ручьями. Они заливали его седую щетину, смешивались с потом, капали на пол. Но он не просил пощады. Он только повторял: «За что? За что?» И Ворко отвечал ему вполголоса, почти ласково: «За то, что ты перестал быть человеком, когда

позволил жизни сломать себя. За то, что ты сдался. Моя жертва — ты, а моя цель — он. Ты просто — мост. Понимаешь? Просто мост между его преступлением и его наказанием».

Прошло два часа. Ворко работал с филигранной точностью. Он отсек обе руки по локоть, зашил артерии специальными кетгутовыми нитями, чтобы старик не умер от кровопотери раньше времени. Ноги он резал медленно, наслаждаясь каждым касанием скальпеля. В какой-то момент он заметил, что Геннадий Степанович перестал кричать. Он просто лежал, глядя в потолок, и губы его шевелились — он читал молитву, которую Ворко не знал. Это было неожиданно. Ворко ожидал ругательств, проклятий, просьб. А старик молился. И в этой молитве было столько тихой силы, что Ворко на мгновение почувствовал — он здесь лишний. Что он, Ворко, — всего лишь мелкая букашка, которая пытается играть в Бога, а на самом деле просто мясник.

Но он отогнал это чувство. Он был хирургом. Хирург не чувствует, когда режет. Хирург чувствует только инструмент.

— Теперь, — сказал он, беря шприц с мутноватой жидкостью, — последняя часть, Геннадий Степанович. Ты знаешь, что это. Я не стану тебе врать. Это сперма. Она попадет тебе в рот, а затем я перережу тебе горло. Так что, — он улыбнулся, но улыбка вышла кривой и жалкой, — ты умрешь, зная вкус правосудия.

Старик повернул голову. Он смотрел на шприц с таким выражением, будто видел в нём свою давно потерянную жену. Он открыл рот. И Ворко влил ему содержимое прямо на язык. Жидкость была горькой, и Геннадий Степанович сглотнул. Он сглотнул так, будто пил самую дорогую воду в мире. А потом Ворко поднес скальпель к его горлу, и в этот миг старик сказал последние слова:

— Ты будешь искать меня в каждом своём сне. Я приду. Я буду стоять у твоей кровати и читать молитву. Только ты не услышишь её, потому что уши твои будут залиты кровью тех, кого ты еще не убил. Слышишь? Я приду.

Ворко перерезал артерию, одним уверенным движением. Кровь хлынула фонтаном, горячая и густая, заливая его перчатки, его халат, его лицо. Он стоял, не двигаясь, и смотрел, как из старика вытекает жизнь. Он смотрел, как тело дергается в агонии, как глаза закатываются, как последний вздох вырывается из разорванного горла. И в этот момент он услышал эхо тех слов: «Я приду».

Ворко вытер лицо перчаткой, аккуратно снял халат, скальпели, загрузил их в специальный контейнер с дезинфицирующим раствором. Он протер стол, пол, стены — тщательно, как делал всегда, в четыре приема. Он проверил, не осталось ли волоса, частицы кожи, следа обуви. Его пальцы дрожали, только когда он вспоминал молитву. Но он взял себя в руки. Он никогда не позволял себе дрожать.

Покидая подвал, он посмотрел на тело. Руки и ноги были аккуратно уложены рядом, в идеальном порядке — большие пальцы сверху, мизинцы снизу. Для него это была эстетика. Для полиции это будет чудовищной загадкой. Он знал, что в понедельник, когда тело найдут, эксперты обнаружат в ротовой полости ДНК Марка Литвинова. И Марк будет арестован. Его жена будет плакать. Его дети будут спрашивать: «Папа, почему ты это сделал?» И никто никогда не услышит имя Ворко.

Он сел в «Ауди» и поехал домой. Дорога заняла сорок минут. Он включил радио — играл Шопен. Ноктюрн, кажется. И когда он въехал в свой район, в свой уютный пентхаус с видом на огни ночного города, он почувствовал, что в груди — пустота. Но эта пустота была ему знакома. Она была его наградой. Он принял душ, смыл с себя чужую кровь, надел халат и лег спать. Он не плакал. Он не сомневался. Он просто закрыл глаза, и перед ним стоял Геннадий Степанович — учитель, который читал молитву.

И Ворко улыбнулся в темноте.

— Ты не придешь, — прошептал он. — Ты — всего лишь статистика. А я — гений.

Он повернулся на другой бок и провалился в сон без сновидений, спокойный и глубокий, как колодец без дна.

За окном просыпался город, который даже не подозревал, что сегодня впервые за долгие годы была исполнена идеальная казнь. Никто не услышал стоны. И никто не услышит. Потому что людские стоны — это тот звук, который город научился заглушать. А Ворко знал, как сделать так, чтобы они звучали только в его голове. И только когда он хотел.

Глава 2. Голос из канализации

Город дышал смогом и медленно переваривал свое воскресное утро, когда Ворко открыл глаза. Было ровно девять часов. Он проснулся без будильника — его внутренний хронометр работал как швейцарский механизм, и сегодня он чувствовал себя отдохнувшим, почти счастливым. Вчерашняя операция оставила в груди странное чувство — не удовлетворение, но что-то похожее на легкую истому, как после хорошего обеда. Геннадий Степанович уже не стоял у его кровати. Молитва учителя растворилась в утреннем свете, и Ворко знал — он не вернется. Мертвые никогда не возвращаются. Это правило он выучил в морге, когда впервые увидел труп семилетнего мальчика, которого не смог спасти. Мальчик не вернулся. Никто не возвращается.

Он приготовил завтрак — омлет с трюфелями, свежавыжатый апельсиновый сок, эспрессо, который варил сам по особому рецепту. Ворко ел медленно, перелистывая новостную ленту на планшете. Ожидаемо, новостей о вчерашнем убийстве еще не было. Тело обнаружат только завтра, когда дворник откроет подвал, чтобы убрать мусор. Ворко рассчитал всё идеально — аутопсия покажет время смерти, совпадающее с алиби Литвинова. Тот был в ресторане с женой, там было полно свидетелей. Идеальная ловушка. Идеальная месть.

Но сегодня был не день отдыха. Ворко открыл свой планшет с досье и провел пальцем по списку. Там было триста семьдесят четыре имени — потенциальных «расходников». Но сейчас его интересовал не расходник. Его интересовал донор. Он выбрал номер 112 в своем списке «гниюльников». Это был Владислав Громов, сорок семь лет, депутат городской думы, председатель комитета по экологии и природопользованию. Официально — борец за чистый воздух. Неофициально — владелец пяти заводов, которые сливали отходы прямо в реку, отравляя воду на сотни километров вокруг. Дети в окрестных поселках рождались с уродствами. Рыба всплывала брюхом кверху тысячами. А Громов каждый год отчитывался о «позитивной динамике» и получал премии. Ворко видел его лицо на обложке местного журнала — самодовольное, сытое, с глазами, которые улыбались так, будто вся эта грязь была ему нипочем. Это лицо он хотел запомнить. Потому что сегодня он будет убивать не просто человека. Он будет убивать символ.

Ворко закрыл планшет и прошел в гардеробную. Сегодня ему нужен был особый костюм — не для офиса, не для улицы. Ему нужен был костюм человека, который спускается в ад. Он надел черные водонепроницаемые брюки, высокие резиновые сапоги, плотную куртку на молнии с капюшоном и взял с собой фонарик, который светил на сто метров вперед. В отдельном рюкзаке лежал металлический кейс с инструментами и шприцами. Ворко проверил заряд батарей, убедился, что в кейсе достаточно чистых скальпелей и зажимов, и вышел из квартиры.

Его «Ауди» бесшумно выехала из подземного паркинга и направилась в промышленную зону, туда, где воздух пах химией, а земля была пропитана соляной кислотой. Он ехал около часа, проезжая мимо заброшенных фабрик и ржавых ангаров, пока не остановился у старого колодца, который вел в систему ливневой канализации. Это был его сегодняшний операционный зал. Идеальное место — сырость, мрак, звук капающей воды, который заглушает любые крики, и полное отсутствие свидетелей. Только крысы и тишина.

Ворко вышел из машины, огляделся. Никого. Промзона в воскресенье мертва. Он откинул тяжелую чугунную крышку, которая поддавалась с противным скрежетом, и включил фонарь. Внизу зияла чернота, пахло гнилью и сыростью. Он начал спускаться по ржавой лестнице, стараясь не касаться руками стен — там могло быть всё, что угодно, от промышленных отходов до крысиного помета. Ступеньки звенели под ногами, и этот звон отдавался эхом в

бесконечных тоннелях. На дне он остановился и на мгновение прислушался. Где-то в глубине капала вода. Кап. Кап. Кап. Как метроном. Как сердцебиение.

Он пошел вперед. Тоннель вел вниз, становясь всё уже и грязнее. Вода здесь была по щиколотку — холодная, маслянистая, с плавающими окурками и пустыми бутылками. Ворко не обращал внимания на грязь. Он привык к чистым операционным, но чистота была для него лишь инструментом. Он мог работать и в грязи. Это даже добавляло остроты.

Через двадцать минут он дошел до развилки и остановился. Справа вел тоннель поменьше, почти непроходимый. Именно там, по его данным, обитал его «расходник» — бомж по кличке «Голос». Ворко изучил его биографию две недели назад. Настоящее имя — Аркадий Манукян, пятьдесят четыре года, бывший оперный певец. Он пел в Мариинке, был лучшим баритоном своего поколения. Пока однажды не вышел на сцену пьяным, сорвал спектакль, и его уволили с позором. Жена ушла, дочь перестала разговаривать, и Аркадий скатился по социальной лестнице быстрее, чем спускаются в этот тоннель. Теперь он жил здесь, в канализации, и по ночам пел арии, которые никто не слушал. Ворко слышал его однажды, когда искал место для операции. Голос Голоса был сильным, красивым, наполненным болью, и именно эта боль заставила Ворко добавить его имя в список «расходников».

Он свернул в узкий проход, согнувшись почти вдвое. Фонарь выхватывал из темноты мокрые кирпичи, ржавые трубы, в которых копошились тараканы. И наконец, он увидел его — Аркадий Манукян сидел на ящике из-под строительных материалов, укрытый тряпьем, и держал в руках обломок зеркала. Он брился. Он брился осколком стекла, тщательно, как когда-то перед выступлением, проводил им по щеке, счищая седую щетину. Рядом с ним стояла свеча, оплывшая, и отбрасывала дрожащие тени на его лицо.

— Здравствуй, Голос, — тихо сказал Ворко, останавливаясь в трех шагах. Он не хотел пугать его резким движением. Это было важно. Каждая операция начиналась с разговора.

Аркадий поднял глаза. У него были большие, темные глаза, глубокие, как колодцы, в которых утонула целая жизнь. Он не испугался. Он посмотрел на Ворко с тем странным спокойствием, которое бывает у людей, потерявших всё.

— Ты не из наших, — сказал Аркадий, и его голос оказался именно таким, каким Ворко и запомнил — глубоким, бархатным, с вибрацией, которая чувствовалась в груди даже на расстоянии. — Ты пахнешь деньгами и антисептиком. Я знаю этот запах. Я пел в операционной, когда в больницах выступали артисты.

— Ты был великим певцом, — кивнул Ворко, садясь на корточки перед ним. Уровень воды был ему по лодыжки, но он не обращал внимания. — Я слышал тебя. Ты пел «Тоску». Тот отрывок, где Каварадосси поет о любви перед казнью.

Аркадий вздрогнул. В его глазах мелькнула искра — не удивления, а боли. Он опустил осколок зеркала и уставился в пустоту.

— Ты пришел слушать? — спросил он с горькой усмешкой. — Или ты пришел убить? Потому что по твоим глазам я вижу — ты убийца. Ты смотрел на меня как на мишень. Я много видел взглядов, в опере, в жизни... Этот взгляд — он как скальпель. Меня уже резали им. Только тогда я выжил.

Ворко улыбнулся. Улыбка была мягкой, почти отеческой. Он достал из рюкзака бутылку дешевого коньяка, которую купил по дороге, и протянул Аркадию.

— Пей. Ты мерзнешь. Я не враг тебе, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты спел. Всего одну арию. Ту, которую ты пел в последний раз на большой сцене.

Аркадий посмотрел на коньяк, как смотрел Геннадий Степанович на водку вчера — с голодом, который невозможно утолить ничем, кроме горячего и горького. Он взял бутылку, откупорил, сделал большой глоток. Коньяк потек по его горлу, и он зажмурился, словно вспоминая вкус другой жизни.

— Последняя ария, — прохрипел он. — Это был «Князь Игорь». Я пел песню о свободе. А ты знаешь, что это такое — свобода? Это когда тебе нечего терять. Вот я сейчас свободен, как никогда. Даже если ты меня убьешь — я свободен. Ты понимаешь?

Ворко кивнул. Он действительно понимал. Понимал, как может быть свободен человек, который уже умер внутри. Но ему нужно было не понимание. Ему нужно было тело.

— Спой, Аркадий, — сказал он мягко, но в голосе его уже появился стальной ободок. — Спой, и я отпущу тебя. Я дам тебе денег. Ты купишь билет в Минск, там у тебя родственники, я знаю. Только спой.

Аркадий посмотрел на него долгим взглядом. И потом закрыл глаза. И начал петь.

Голос вырвался из его груди, как живое существо — мощный, сочный, наполненный такой тоской, что Ворко на мгновение замер, забыв, зачем он здесь. Это был не просто звук. Это был крик души, которая все эти годы копила в мокрых стенах канализации, в темноте, в холоде, в одиночестве. Аркадий пел о любви, о потерянной дочери, о сцене, которая никогда его не простит, о том, как он выходил на поклон и видел тысячи глаз, а теперь видит только одну мокрую крысу, которая проскочила мимо свечи. Его голос вибрировал, разбивался о бетонные своды, отражался, множился, и казалось, что весь тоннель поет вместе с ним.

А потом он остановился. Он открыл глаза, и в них стояли слезы.

— Это всё, — сказал он хрипло. — Я больше не могу. Голос уходит. Каждый день я чувствую, как он уходит в эту грязную воду. Я больше не пою. Я говорю. Я шепчу. Ты слышишь? Я шепчу, — он понизил голос до тихого шороха. — Ты пришел убить меня. Но я сам хочу умереть. Я давно этого хочу. Только не хватало смелости. Или повода. Сделай это, — он протянул руку и схватил Ворко за куртку. Его пальцы были холодными, мокрыми, с черной каймой под ногтями. — Сделай это, и я буду петь тебе каждую ночь. Я обещаю. Я буду петь тебе так, что ты забудешь, кто ты есть.

Ворко почувствовал, как его руки начинают дрожать. В первый раз за двадцать лет хирургической практики. Не от страха. От благоговения. Он понял, что этот человек — не просто расходник. Этот человек — подарок судьбы. Он сам хочет умереть, он просит об этом, он умоляет, как умоляют о пощаде, только наоборот. И это было сложнее, чем убивать того, кто борется. Это было почти как спасать, только в обратную сторону.

— Хорошо, — выдохнул Ворко. — Я сделаю это. Но знай — я не просто убийца. Я — хирург. И я буду работать аккуратно. Я не хочу, чтобы ты страдал. Ты дал мне голос. Я дам тебе легкую смерть.

Аркадий засмеялся — надрывно, с кашлем, и снова отпил коньяк. Слезы уже не текли по его щекам, они просто застыли там, смешавшись с сажей и грязью, оставляя светлые дорожки на темном лице.

— Ты лжешь, — сказал он. — Но я люблю твою ложь. Она красивая. Она как опера. Мне нравится. Давай, хирург. Делай свое дело.

Ворко вздохнул и начал готовить инструменты. Он разложил их на водонепроницаемом пластиковом листе, который принес с собой. Скальпели — три разных размера. Пинцеты. Зажимы. Кетгут. Все было стерильно, даже здесь, в канализации, потому что Ворко стерилизовал инструменты перед каждой операцией в автоклаве дома. Это была его религия. Чистота инструментов. Чистота намерений. Он не позволял грязи касаться своих инструментов, даже если сам стоял по щиколотку в сточных водах.

— Ляг на ящик, — приказал он Аркадию. — Руки вытяни вдоль тела. Я начну с ног. Это будет больно, но я вколю тебе обезболивающее. Только сначала я зафиксирую тебя. Ты не должен двигаться.

Аркадий лег послушно, как ребенок. Он даже не сопротивлялся, когда Ворко привязывал его руки пластиковыми стяжками к деревянному ящику. Он смотрел на потолок — там, в темноте, висела паутина, в которой запуталась давно умершая муха.

— Ты знаешь, что такое голос? — спросил Аркадий, пока Ворко готовил шприц с лидокаином. — Голос — это не воздух. Голос — это душа, которая выходит наружу через горло. Когда ты перережешь мне горло, ты перережешь мою душу. И она пойдет к тебе. Ты будешь ее носить в себе. Ты станешь моим голосом. И когда ты будешь говорить, я буду говорить тобой.

Ворко замер на мгновение. Он чувствовал холод, который шел от этих слов. Каждый раз, когда он готовился к операции, кто-то говорил ему пророческие вещи. Геннадий Степанович сказал о молитве. Аркадий говорил о голосе. Может быть, в этом и была суть — не просто убивать, а забирать у жертв то, что осталось от их человечности. Он не знал. И не хотел знать. Он хотел просто делать.

— Заткнись, — сказал он тихо, но твердо. — Ты мешаешь сосредоточиться.

Он ввел лидокаин в бедро Аркадия. Тот вздрогнул и закусил губу так сильно, что показалась кровь. Но он не закричал. Он продолжал смотреть в потолок. Ворко нажал на поршень, и через пару минут ноги Аркадия начали неметь. Тогда Ворко взял скальпель. Это был тот же скальпель, которым он вчера резал Геннадия Степановича. Он любил свои инструменты. Каждый из них был продолжением его руки, его мысли, его воли.

Он начал с левой ноги. Разрез прошел идеально — кожа раскрылась, как лепесток цветка, обнажая мышцы и сухожилия. Кровь выступила ровной линией, но не сильно — лидокаин сузил сосуды. Ворко работал быстро, методично, отделяя мышцы от кости, пережимая артерии зажимами, перерезая нервные пучки. Аркадий молчал. Он смотрел, как его собственная нога становится отдельным предметом, и на его лице не было страха. Только тихая завороченность, как у ребенка, который смотрит фокус.

— Ты хорошо это делаешь, — прошептал он. — У тебя золотые руки. Почему ты стал убийцей?

Ворко не ответил. Он перешел к правой ноге. Теперь кровь потекла обильнее, и он быстро перевязал артерии кетгутом. Вода вокруг него начала окрашиваться в розовый цвет, и он заметил, как две крысы подплыли поближе, привлеченные запахом крови. Он пнул их ногой, и они исчезли в темноте.

Через час он закончил с ногами. Они лежали рядом с ящиком — аккуратно, одна к другой, как спаренные предметы. Ворко вытер лицо мокрой тряпкой, которую принес с собой, и улыбнулся Аркадию.

— Теперь руки. Ты будешь петь без рук, Голос. Потому что тебе они больше не понадобятся.

Аркадий закрыл глаза и начал петь. Снова. Но теперь это был не мощный баритон, а тихий, почти детский голос — колыбельная. Он пел о том, как его мать качала его в детстве, как пахла ее кожа, как летали бабочки над лугом, по которому он бегал босиком. Ворко слушал и резал. Он резал правую руку, отделяя кисть от предплечья, и слушал колыбельную. Он резал левую руку, слыша, как голос Аркадия становится тише, слабее, умирает прямо во время песни. И Ворко понял, что именно этого он и хотел — не просто убить, а услышать последнюю песню человека. Забрать её себе. Как сувенир.

Когда руки были отсечены, Аркадий открыл глаза. В них уже не было боли. Только усталость, глубокая, как океан. Он посмотрел на Ворко и прошептал:

— Теперь голос. Забери его. Я отдаю его тебе. Только пообещай мне одну вещь...

Ворко замер, держа шприц со спермой Громова. Он посмотрел на Аркадия и кивнул.

— Обещай, что когда-нибудь... когда ты устанешь... когда тебе станет скучно... ты выйдешь на сцену. В любом театре. И споешь. Не для меня. Для тех, кто не слышал. Сделай это. Сделай это за меня, — Аркадий улыбнулся, и эта улыбка была самой светлой, которую Ворко видел за всю свою жизнь. — Ты должен. Ты взял мой голос. Теперь ты несешь за него ответственность.

Ворко сглотнул. В его груди что-то дрогнуло — не жалость, нет. Что-то похожее на долг. Он не хотел этого обещания. Он не хотел никаких обязательств, кроме своих собственных. Но он смотрел в глаза этому человеку, и он не мог отказать. Не мог, потому что в этих глазах был финальный аккорд, последний вздох оперы, которую он только что слушал.

— Обещаю, — сказал он и почувствовал, как его голос сорвался на шепот.

— Спасибо, — прошептал Аркадий и открыл рот.

Ворко влил ему в рот мутную жидкость — сперму Громова. Аркадий сглотнул. Он сглотнул, как будто это было его последнее причастие. А потом Ворко поднес скальпель к его горлу, и в этот момент по тоннелю пронесся ветер — сквозняк, который принес запах речной воды и озона. Ворко резанул. Один раз. Аккуратно, прямо по линии кадыка, перерезая трахею и сонную артерию. Кровь хлынула теплая и густая, омывая его руки, лицо, заливая всю его куртку.

Аркадий захрипел. Его глаза раскрылись широко, но в них не было ужаса. В них было удивление — светлое, детское удивление, как будто он увидел нечто невероятное за спиной Ворко. Его губы шевелились, и Ворко наклонился ближе, чтобы услышать последние слова:

— Мне не страшно... Здесь... Здесь поют ангелы...

И он закрыл глаза. Умер. Тихо, без судорог, только с легким вздохом, который растворился в капли воды.

Ворко стоял над ним, держа в руках окровавленный скальпель, и смотрел на это тело. Руки и ноги были аккуратно сложены рядом. Вода вокруг была красной. Крысы уже начинали подплывать ближе, но Ворко был слишком далеко в своих мыслях, чтобы замечать их.

Он посмотрел на себя. Весь в крови, в грязи, с мокрыми волосами и лицом, которое отражало безумный свет свечи. Он вдруг вспомнил обещание, которое дал. Выйти на сцену и спеть. Он засмеялся — громко, истерично, и его смех разнесся по тоннелю, отражаясь от стен и возвращаясь к нему искаженным эхом.

— Ты дурак, Аркадий, — сказал он в пустоту. — Я не умею петь. Я умею только резать.

Он начал убирать инструменты. Он делал это механически, погружая скальпели в дезинфицирующий раствор, упаковывая зажимы в стерильные пакеты, протирая все поверхности. Когда он закончил, он посмотрел на тело в последний раз. Голос Аркадия, великий баритон Мариинки, теперь молчал навсегда. И в этом молчании была такая колоссальная сила, что Ворко почувствовал, как у него перехватывает дыхание.

— Я сделаю это, — прошептал он. — Я выйду на сцену. Но не для того, чтобы петь. Для того, чтобы слушать. Чтобы понять, что я забрал.

Он взобрался по ржавой лестнице наверх, откинул крышку люка и вылез на поверхность. Ночное небо было звездным, и воздух казался сладким после канализации. Ворко глубоко вдохнул, снял грязную куртку, бросил её в багажник и сел в машину.

Дорога домой заняла два часа. Он ехал молча, без музыки, слушая только тишину в своей голове. Но в этой тишине звучал голос Аркадия — колыбельная, которую тот пел перед смертью. Она звучала в его ушах, в его груди, в его пальцах, которые все еще сжимали руль.

Когда он зашел в свою квартиру, он первым делом прошел в ванную, разделся и встал под горячий душ. Вода стекала по его телу, смывая кровь и грязь канализации, но голос Аркадия оставался. Он звучал где-то внутри, в том месте, где раньше была пустота. И Ворко понял, что это не просто голос. Это душа, которую он украл. И теперь она живет в нем.

Он лег в постель, закрыл глаза и увидел сон. Ему снился театр — большой, с золотыми колоннами и хрустальными люстрами. Он стоял на сцене, в черном костюме, и перед ним был зал, полный людей. Они смотрели на него с надеждой. А он открывал рот, и из него вылетали звуки — чистые, красивые, невероятные. Голос Аркадия. Он пел, и публика плакала. А когда он проснулся, он почувствовал слезы на своих щеках.

«Ты пришел, Голос, — подумал он. — Ты пришел, как и обещал. Только ты пришел не мстить. Ты пришел петь».

На следующее утро новости сообщили об убийстве в канализации. Эксперты обнаружили ДНК депутата Громова в ротовой полости жертвы. Громова арестовали через три дня. Ворко смотрел на его лицо по телевизору — испуганное, бледное, потерявшее свою самодовольную улыбку. И Ворко улыбнулся. Но улыбка его была печальной. Потому что в его голове всё еще звучала колыбельная, и он знал — она будет звучать всегда.

Он выключил телевизор, налил себе чай и сел за ноутбук. На очереди был новый «донор» из его списка. Но сегодня он работал медленнее, чем обычно. Потому что где-то в глубине души, в том месте, куда он никому не позволял заглянуть, что-то изменилось. Голос Аркадия трогал струны его собственной пустоты, и они начинали звучать.

— Хватит, — сказал он вслух, закрывая досье. — Хватит. Я еще не наигрался.

Но он знал, что лжет. Потому что Аркадий Манукян, великий баритон, смотрел на него из того мира, где поют ангелы, и говорил: «Ты мой голос. Ты несешь меня дальше».

И Ворко продолжал. Потому что остановиться было страшнее, чем убивать.

Глава 3. Костюм от Армани и бритва

Ворко не спал третьи сутки. Это было необычно для него — он всегда соблюдал режим, считал часы сна так же тщательно, как рассчитывал дозировку анестезии. Но сегодня его тело отказывалось подчиняться. Он лежал в кровати, глядя в потолок, а в ушах всё еще звучала колыбельная Аркадия Манукяна. Она въелась в его сознание, как въедается запах формалина в хирургический халат, и сколько он ни пытался вытереть ее из головы, она возвращалась снова и снова. Ворко перевернулся на бок, натянул одеяло до подбородка и закрыл глаза. Ничего не выходило. Голос пел, и пел, и пел — о лугах, о бабочках, о материнских руках, которых у него самого никогда не было.

Он встал, прошел на кухню, налил себе виски. Лед звякнул о стенки стакана, и этот звук показался ему оглушительным в тишине квартиры. Ворко сделал глоток, и обжигающая жидкость растеклась по горлу, согревая внутренности. Он посмотрел в окно. Город спал, но где-то внизу, в подсвеченных окнах небоскребов, копошились люди — живые, настоящие, которые не знали, что на сорок третьем этаже сидит человек, который решил их судьбы. Ворко усмехнулся. Он не чувствовал себя Богом. Он чувствовал себя прокурором, судьей и палачом в одном лице, и эта роль давалась ему легче, чем та, которую он играл в офисе.

Завтра была суббота. А значит, завтра была охота. Он открыл планшет и прокрутил список «гнильников». Его палец остановился на имени, которое он вычеркнул полгода назад, но потом вернул обратно, потому что чувство незавершенности не давало ему покоя. Это был Алексей Соболев — сорок три года, профессиональный стрит-рейсер, владелец элитного тюнинг-ателье, обладатель трех автомобилей стоимостью больше миллиона долларов каждый. Внешне — красивый, успешный, улыбчивый парень, лицо которого украшало обложки глянцевого журналов. Внутренне — убийца. Пять лет назад он участвовал в ночных гонках на Кутовском проспекте, врезался в машину семьи из трех человек, сбил отца, мать и их пятилетнего ребенка. Отец умер на месте. Мать — в реанимации через три дня. Ребенок выжил, но остался инвалидом на всю жизнь. Соболев отделался условным сроком и штрафом в двести тысяч рублей — его адвокаты были лучшими, а связи в суде — нерушимыми. Он продолжал жить, как ни в чем не бывало. Каждую субботу он выезжал на свой «Порше 911 Турбо» и гонял по ночным трассам, публикуя видео в Инстаграм под хештегом #жизньпрекрасна.

Ворко ненавидел его. Ненавидел той холодной, расчетливой ненавистью, которая не рвет на части, а собирает в кулак и сжимает так, что кости трещат. Он ненавидел его улыбку, его машины, его деньги, его безнаказанность. Но больше всего он ненавидел тот факт, что Соболев никогда не чувствовал вины. Он просто жил дальше, как будто семья, которую он уничтожил, была всего лишь статистической погрешностью на его жизненном пути.

«Сегодня ты заплатишь, — подумал Ворко, закрывая планшет. — Сегодня ты не уедешь. Сегодня ты станешь моим расходником».

Он начал готовиться. Он всегда готовился тщательно, как к сложной операции. На этот раз ему понадобилось два дня, чтобы подобрать идеального «расходника». Он искал не просто бомжа — он искал того, кто был антиподом Соболева. И он нашел его. Его звали Михаил Кузнецов, пятьдесят восемь лет, бывший автогонщик. В прошлом — чемпион СССР по ралли, человек, которого знала вся страна. Он выиграл десятки гонок, его фотографии висели в музеях спорта, его имя было вписано золотыми буквами в историю. А потом случился тот самый заезд, в котором он разбил свой «Лада-Самара», искалечив двух зрителей. Он не был виноват — отказали тормоза, его автомобиль признали технически неисправным, но суд общественности был жесток. Его лишили лицензии, отобрали машины, и он скатился на самое дно, как камень в воду. Теперь Михаил жил на трассе — в старом ангаре недалеко от МКАДа, спал на матрасе, вымоченном в дизельном топливе, и пил технический спирт, который разбавлял водой. Он не был агрессивным — он был пустым. Как старая бутылка, из которой вылили всё содержимое.

Ворко нашел его три дня назад. Он подошел к ангару, постучал и вошел внутрь. Михаил сидел на ящике, держа в руках ржавый обод от руля. Он водил по нему пальцами, как будто всё еще чувствовал дорогу под колесами.

— Ты — Михаил Кузнецов? — спросил Ворко, и его голос эхом разнесся по пустому помещению.

Михаил поднял голову. У него было лицо человека, который видел слишком много — глубокие морщины, седые волосы, сломанный нос, который он не стал править после той аварии. В глазах его была пустота, но не тупая — а острая, как лезвие бритвы.

— Кто ты? — спросил он хрипло. — Журналист? Пришел посмотреть на падшего чемпиона? Ну, смотри. Вот он я. Весь как на ладони. Красивый, да?

— Я не журналист, — сказал Ворко, присаживаясь на корточки напротив него. — Я хочу тебе предложить работу.

Михаил засмеялся — сухо, с кашлем. — Работу? Ты видишь, где я живу? Какую работу мне можно предложить? Мыть туалеты? Нет, спасибо. Я лучше буду пить этот спирт и вспоминать, как я обгонял всех этих козлов на трассе.

— Я хочу, чтобы ты проехался со мной, — спокойно сказал Ворко. — Один раз. Всего один заезд. Я дам тебе машину, которую ты заслуживаешь. Я дам тебе шанс почувствовать скорость снова. А после этого ты сможешь умереть спокойно.

Михаил замер. Он перестал водить пальцами по рулю и уставился на Ворко так, будто увидел призрака. Его губы дрогнули.

— Ты это серьезно? — прошептал он. — Ты дашь мне машину? Настоящую?

— Настоящую, — кивнул Ворко. — «Порше 911 Турбо». Ты знаешь эту модель, Михаил. Ты мечтал о ней всю жизнь. Я дам тебе проехать на ней один раз, и ты почувствуешь, что такое скорость. Но есть одно условие...

Михаил сглотнул. Его руки дрожали — впервые за долгие годы они дрожали не от алкоголя, а от адреналина.

— Какое условие? — спросил он.

— Ты должен будешь умереть, — сказал Ворко, глядя ему прямо в глаза. — Но перед смертью ты проедешь этот заезд. Твой последний заезд. И ты умрешь как гонщик, а не как бомж в грязном ангаре. Ты согласен?

В ангаре повисла тишина. Слышно было только, как ветер свистит в щелях между ржавыми листами железа. Михаил смотрел на Ворко, и в его глазах медленно зажигался огонь — тот самый огонь, который горел в нем, когда он выходил на старт тридцать лет назад.

— Ты странный, — сказал он наконец. — Ты говоришь о смерти так, будто это гонка. Будто это финишная прямая. Но знаешь... я согласен. Я согласен, потому что за последние

пятнадцать лет я не чувствовал себя живым ни разу. А ты даешь мне это чувство. Ты даешь мне вернуться на трассу. Спасибо тебе.

Ворко улыбнулся. Он знал, что Михаил согласится. Он знал, что человек, который потерял всё, согласится на любой шанс вернуться к тому, что он любил. И этот шанс он ему даст. Но цена будет страшной — он это знал. И он был готов заплатить.

Сегодня, в субботу, Ворко подъехал к ангару на «Ауди» и забрал Михаила. Чемпион был чистым — он выбрил щетину, надел старую кожаный комбинезон, который хранил в мешке как реликвию. Он пах потом и дешевым мылом, но его глаза горели. Они светились предвкушением, как у ребенка перед Новым годом.

— Куда мы едем? — спросил Михаил, садясь на пассажирское сиденье.

— На трассу, — ответил Ворко. — Но сначала — за машиной.

Они поехали в элитный район, где Соболев держал свой гараж. Ворко знал, что сегодня у Алексея ночные гонки на трассе «Москва-Петербург», и его «Порше» будет стоять в гараже до вечера. Он знал, что ключи от машины хранятся в сейфе, код от которого Соболев записал в своем телефоне, а телефон он забыл вчера в фитнес-клубе. Ворко был там. Он скопировал данные с телефона за полторы минуты, пока Соболев принимал душ. И код сейфа теперь был у него.

Они остановились у гаража. Ворко набрал код, открыл дверь и вошел внутрь. «Порше 911 Турбо» стоял под чехлом, сияющий, как игрушка в магазине. Михаил замер на пороге, глядя на машину, и у него перехватило дыхание.

— Это она, — прошептал он. — Я видел её в журналах. Никогда не думал, что сяду в такую.

— Садись, — сказал Ворко, открывая водительскую дверь. — Твоя очередь.

Михаил сел за руль. Его руки легли на кожаное рулевое колесо, и он закрыл глаза. Когда он открыл их, в них стояли слезы. Слезы радости, боли, тоски и надежды — всё это смешалось в одну мутную жижу, которая выступила на его ресницах.

— Какой запах, — выдохнул он. — Это лучший запах в мире. Запах победы.

Ворко сел на пассажирское сиденье и достал планшет. — Мы поедем на трассу. Ты будешь гнать на скорости триста километров в час. Ты будешь делать то, что умеешь лучше всего. А когда гонка закончится... я выполню свою часть уговора.

Михаил кивнул. Он завел двигатель. «Порше» зарычал, как живое существо, и этот звук разнесся по гаражу, заставляя стены вибрировать. Ворко никогда не любил машины, но сейчас он понимал — это музыка. Это тот же адреналин, который он чувствовал в операционной, когда боролся за жизнь пациента. Только Михаил боролся за смерть.

Они выехали на трассу. Ночь была темной, безлунной, и фонари проносились мимо, как огненные пунктиры. Михаил вел машину так, как будто она была продолжением его тела. Он не нажимал на педали — он сливался с ними. Он не поворачивал руль — он танцевал с ним. Его лицо стало другим — оно просветлело, разгладилось, и Ворко увидел в нем того молодого чемпиона, который улыбался с фотографий сорокалетней давности.

— Ты чувствуешь это? — крикнул Михаил поверх рева двигателя. — Это жизнь! Это настоящая жизнь! Как же я по ней скучал!

— Чувствую, — ответил Ворко, и в его голосе была странная мягкость. — Ты заслужил этот момент, Михаил. Заслужил.

Они мчались по трассе, обгоняя машины, как они стояли на месте. Стрелка спидометра дошла до отметки триста двадцать, и Ворко почувствовал, как его собственное сердце начинает биться быстрее. Но это был не страх. Это было восхищение. Он смотрел на человека, который был мертв внутри пятнадцать лет, и видел, как тот оживает за рулем. И в этот момент он понял, почему он выбрал именно Михаила — не просто как расходника, а как инструмент мести. Он хотел, чтобы Соболев знал: его убил тот, кто был лучше его. Его убил настоящий гонщик.

Через час они остановились на пустынном участке трассы, где Ворко заприметил заброшенную заправку. Он велел Михаилу заглушить двигатель.

— Выходи, — сказал он. — Мы на месте.

Михаил вышел из машины. Он дрожал, но не от холода — от переизбытка эмоций. Он обнял капот «Порше», поцеловал его, как целуют любимую женщину.

— Спасибо тебе, — сказал он, повернувшись к Ворко. — Ты не знаешь, что ты для меня сделал. Ты вернул меня в ту секунду, когда я был на вершине. Теперь я могу умереть счастливым.

Ворко кивнул. Он открыл багажник и достал свой металлический кейс. Михаил увидел его и не удивился. Он знал, чем это закончится. Он знал с того самого момента, когда Ворко произнес слово «смерть» в ангаре.

— Ты хочешь, чтобы я умер здесь? — спросил Михаил. — На этой заправке? Без людей? Без зрителей?

— Ты умрешь так, как умирают гонщики, — сказал Ворко, открывая кейс. — В борьбе. Ты умрешь, не сдавшись. Я дам тебе этот шанс.

Михаил посмотрел на скальпели, на зажимы, на шприцы и улыбнулся. Улыбнулся так, как улыбаются люди, которые знают, что завтрашнего дня не будет, и это знание их освобождает.

— Давай, — сказал он. — Я готов.

Ворко начал операцию. Он не привязывал Михаила к столу — он не видел в этом необходимости. Бывший гонщик лежал на капоте «Порше», вытянув руки вдоль тела, и смотрел на звезды. Его дыхание было ровным, спокойным, и Ворко снова услышал в тишине голос Аркадия, который пел колыбельную. Но сейчас этот голос был тише. Потому что музыкой была машина, которая стояла под ним.

— Ты знаешь, — сказал Михаил, пока Ворко вкалывал ему лидокаин, — я всегда думал, что умру на трассе. В аварии. С треском. С огнем. А умру я на капоте машины своей мечты. Это даже лучше. Это как финишная ленточка. Только я не буду её разрывать — я через неё проеду.

— Заткнись, — сказал Ворко, но голос его дрогнул. — Ты мешаешь мне работать.

Он начал с правой руки. Разрез был чистым, ровным, почти идеальным. Кровь выступила, но Ворко быстро пережал артерии. Михаил не стонал. Он только чуть сжимал зубы, когда скальпель касался кости. Он был сильным — настолько сильным, что Ворко почувствовал уважение. Он редко уважал своих жертв. Но этого — уважал.

— Ты был великим, — сказал Ворко, отрезая кисть. — Ты проиграл не из-за слабости. Ты проиграл из-за жестокости судьбы.

— Нет, — прошептал Михаил. — Я проиграл из-за того, что поверил, что я непобедим. Это моя ошибка. И я плачу за неё. Каждый день.

Ворко перешел к левой руке. Он работал медленнее, чем обычно — он хотел продлить этот момент. Не из садизма. Из уважения. Он хотел, чтобы Михаил запомнил каждую секунду своей последней гонки, даже если эта гонка была на капоте машины.

Через два часа руки были отсечены. Они лежали рядом, на крыше «Порше», в идеальном порядке — как части пазла, который больше никогда не соберется. Ворко перешел к ногам. Он отрезал их по колено, аккуратно, как отрезают крылья у птицы. Кровь текла ручьем, окрашивая капот в багровый цвет, и Ворко мысленно представил, как это будет выглядеть для полиции — «Порше» Соболева, весь в крови, с телом без конечностей, а в его ротовой полости — ДНК Алексея. Идеальная композиция.

Михаил смотрел на звезды. Он уже почти не чувствовал боли — только прохладу ночного воздуха и металлический запах крови. Он улыбался. Его лицо было спокойным, как у человека, который видит финишную черту.

— Я еду, — прошептал он. — Я чувствую, как машина несет меня вперед. Как ветер в лицо. Как адреналин. Это так хорошо... так хорошо...

Ворко взял шприц со спермой Соболева. Он поднес его к лицу Михаила и влил жидкость ему в рот. Михаил сглотнул, не открывая глаз. Он продолжал видеть свою трассу.

— Теперь финиш, — сказал Ворко и поднес скальпель к его горлу.

— Да, — выдохнул Михаил. — Финиш. Я прошел его. Я прошел его...

Ворко перерезал горло. Кровь хлынула горячей струей, заливая капот, заливая руки Ворко, заливая его лицо. Он стоял, не двигаясь, и смотрел, как жизнь уходит из человека, который был легендой. И в этот момент он почувствовал — впервые за долгое время — что-то похожее на грусть. Не на жалость. На грусть. Потому что он убил не просто расходника. Он убил чемпиона. Он убил человека, который подарил ему последний заезд.

Ворко убрал инструменты, протер капот, упаковал всё в кейс и сел в «Ауди». Он уехал, оставив «Порше» на заправке, с телом на капоте, с отрезанными конечностями, сложенными в форме креста. Он знал, что завтра это станет сенсацией. Он знал, что Соболева арестуют. Он знал, что правосудие свершится.

Но когда он вернулся домой, он не пошел спать. Он прошел в свою гардеробную и достал старый костюм — тот, в котором он когда-то ходил на выпускной в медицинском институте. Он надел его, посмотрел на себя в зеркало и вдруг запел. Запел колыбельную Аркадия. Его голос был фальшивым, дрожащим, но в нем была страсть. Такая же, как в голосе Михаила, когда он разгонялся до трехсот двадцати километров в час.

— Ты слышишь, Голос? — спросил он пустоту. — Я пою. Я сдержал обещание. Только никто не слышит. Никто.

Он сел на пол, прислонившись спиной к стене, и заплакал. Впервые за тридцать лет он плакал. Слезы текли по его лицу, капали на дорогой костюм, который он надел для спектакля, где не было зрителей. Он плакал о Михаиле, который потерял всё. Он плакал об Аркадии, который отдал ему голос. Он плакал о себе — о том, кем он стал, и о том, кем он мог бы быть.

— Почему я делаю это? — прошептал он в темноту. — Почему я не могу остановиться?

Но ответа не было. Только тишина. И в этой тишине звучала колыбельная — его собственная, теперь уже навсегда.

На следующее утро новости взорвались. «Элитный гонщик арестован за зверское убийство. ДНК Соболева найдена во рту жертвы». Ворко смотрел телевизор, попивая кофе, и улыбался. Но улыбка его была печальной. Он понял, что с каждой операцией он теряет часть себя. Он забирает души жертв, но отдает им кусочки своей собственной. И когда-нибудь его душа станет такой же пустой, как ангар Михаила Кузнецова. Только тогда он остановится. Но не сейчас. Не сейчас.

Ворко выключил телевизор, надел свой идеально отутюженный костюм от Армани и поехал в офис. За его спиной остался «Порше», покрытый кровью, и два человека, которые уже никогда не сядут за руль. Но он знал: скоро будет следующий. И он будет ждать. Он всегда ждал.

Глава 4. Последний танец сомелье

Ворко проснулся от того, что его собственный голос пел колыбельную. Он лежал в постели, глядя в белый потолок, и из его горла вырывались звуки — чистые, тягучие, чужие. Он не понимал, как это происходит. Он не контролировал свои голосовые связки, они вибрировали сами, как будто внутри него поселился кто-то другой и теперь пел по ночам, когда хозяин спал. Ворко сел на кровати, провел рукой по лицу и почувствовал, что щеки влажные. Слезы. Он снова плакал во сне. Это начинало его пугать. Не сама смерть, не запах крови, не визг скальпеля — это было привычно, как утренний кофе. А вот это... это новое чувство, которое пробиралось в его душу через голоса убитых, было опаснее любой пули. Оно разъедало его изнутри, как кислота разъедает металл.

— Прекрати, — сказал он вслух, и голос его сорвался на хрип. — Прекрати это, Аркадий. Ты мертв. Ты не можешь петь во мне. Я не твой хор.

Но голос замолк только тогда, когда Ворко встал с кровати и включил воду в душе. Холодная вода ударила по лицу, и он зажмурился, вдыхая пар, который поднимался от раковины. Он посмотрел на себя в зеркало. Под глазами залегли темные круги, в уголках губ застыла странная улыбка — не его, а кого-то чужого, кто жил внутри и теперь потихоньку вылезал наружу. Ворко взял бритву и провел по щеке, счищая трехдневную щетину. Движения были точными, как всегда, но пальцы чуть дрожали. Всего на долю миллиметра. Никто бы не заметил, кроме него самого. Он заметил.

Сегодня ему предстояло нечто особенное. Он листал свой список «гнойников» вчера вечером, и его взгляд упал на имя, которое он откладывал уже четыре месяца. Константин Бельский, пятьдесят один год, владелец сети премиальных ресторанов «Ле Гурмэ», где ужин стоил как средняя зарплата врача скорой помощи. Константин был легендой гастрономической Москвы — его лицо украшало обложки кулинарных журналов, его рецепты перепечатывали мировые издания, его рестораны получали звезды Мишлен одну за другой. Но Ворко знал правду. Он знал, что Бельский не просто продавал дорогую еду. Он торговал смертью. За кулисами его кухонь кипела другая жизнь — фуа-гра из больных гусей, трюфели, собранные на свалках, морепродукты, пролежавшие в порту по две недели, и самое страшное — мясо, которое он выдавал за элитное, а на самом деле это были животные, забитые в антисанитарных условиях. За семь лет его рестораны отравили больше тысячи человек. Двести из них умерли. Двести семей потеряли своих родных, а Бельский продолжал улыбаться с обложек, держа в руках бокал дорогого вина.

Но Ворко ненавидел его не за это. Ворко ненавидел его за то, что Бельский когда-то был шеф-поваром в больнице, где лежала его дочь. Это было задолго до того, как Ворко стал тем, кем стал. Его дочери было восемь лет, и она умирала от лейкемии. Ей нужна была особая диета, и Ворко, тогда еще просто гениальный хирург, умолял Бельского приготовить для нее специальное питание. Бельский обещал, взял деньги, а потом исчез. Он бросил больницу, открыл свой первый ресторан и забыл о маленькой девочке, которая ждала его суп. Девочка умерла через месяц. Ворко никогда никому не рассказывал об этом. Но он запомнил. Он запомнил имя, лицо, тот самодовольный взгляд, когда Бельский говорил: «Я слишком талантлив для этой богадельни, извини, приятель».

И сегодня, через пятнадцать лет, Ворко наконец-то решил, что пришло время для десерта. Он открыл свой планшет и просмотрел досье на «расходника». Его звали Николай Смирнов, шестьдесят три года, бывший сомелье. Тот самый, который когда-то работал в первом ресторане Бельского и был уволен за то, что указал на некачественное вино, которое тот подавал гостям. Николай лишился работы, репутации, семьи. Он спился и теперь жил в подвале заброшенного здания на окраине, собирая пустые бутылки и перепродавая их за копейки. Он был тихим, скромным человеком с тонкими пальцами, которые до сих пор помнили, как держать бокал. Ворко нашел его три дня назад и уже тогда понял — этот человек станет идеальным инструментом. Потому что его смерть будет не просто убийством. Это будет последний танец сомелье, финальный аккорд в опере, которую он, Ворко, написал пятнадцать лет назад.

Утро тянулось бесконечно долго. Ворко не поехал в офис — он взял отгул, сказав секретарше, что у него температура. На самом деле он готовился. Он купил в магазине дорогие продукты — трюфели, оленину, красную икру и бутылку «Шато Марго» 2003 года. Он упаковал всё в холодильную сумку, положил туда же свой металлический кейс с инструментами, и поехал на окраину города, туда, где среди бетонных коробок и строительного мусора прятался подвал Николая.

Он вошел внутрь без стука. Николай сидел на перевернутом ящике, перебирая бутылки. Их было около тридцати — пустых, грязных, с остатками дешевого портвейна. Он поднял голову, и Ворко увидел глаза — мутные, с желтизной, но в них всё еще теплился огонь, как в старой лампе, которую вот-вот выключат.

— Ты принес вино? — спросил Николай, и его голос был похож на скрип старой двери. — Я чую запах. Это «Шато Марго». Я помню его. Я подавал его на банкете в честь президента в две тысячи пятом году. Ты небогатый человек, чтобы пить такое. Зачем ты пришел?

— Я пришел не пить, — сказал Ворко, ставя сумку на пол. — Я пришел попросить тебя об одной услуге. Ты помнишь Константина Бельского?

Николай вздрогнул, как от удара. Его пальцы сжались на горлышке бутылки так сильно, что побелели.

— Помню, — прошептал он. — Помню каждый день, когда он вышвырнул меня на улицу. Он сказал, что я бездарный пьяница. Но я был прав! То вино было кислым, с добавками, он обманывал людей! А меня он обманул, и все поверили ему, потому что у него были деньги. А у меня ничего.

Ворко подошел ближе и сел на корточки перед ним. Он смотрел в глаза Николаю, в эти мутные, заплывшие глаза, и видел в них ту же боль, которую носил в себе пятнадцать лет.

— Я дам тебе шанс, — сказал он мягко. — Я хочу, чтобы ты приготовил ему последний ужин. Ты будешь сомелье, как и раньше. Ты выберешь вино, нальешь его в бокал, и ты будешь пить его вместе с ним. А потом ты умрешь. Но ты умрешь с достоинством. Ты умрешь так, как умирают настоящие мастера.

Николай смотрел на него долго. В подвале было тихо, только капли воды стучали по бетонному полу. Потом он засмеялся — тихо, надрывно, как смеются люди, которые уже ничего не боятся.

— Ты хочешь, чтобы я стал твоей жертвой? — спросил он. — Ты хочешь убить меня, потому что я когда-то служил этому подонку? Это странно. Ты не похож на маньяка. Ты похож на хирурга. У тебя руки хирурга.

— Ты прав, — кивнул Ворко. — Я хирург. И я знаю, как сделать так, чтобы твоя смерть была быстрой и чистой. Ты не будешь страдать, Николай. Ты будешь чувствовать только вкус лучшего вина в своей жизни.

Николай закрыл глаза. Он представил себе этот бокал. Он представил, как подносит его к губам, как аромат «Шато Марго» заполняет его ноздри, как тепло разливается по телу. И он улыбнулся.

— Согласен, — сказал он. — Но у меня есть условие. Я хочу, чтобы последний глоток я сделал сам. Не ты. Я. Ты дашь мне умереть с бокалом в руке.

Ворко помедлил. Он никогда не позволял жертвам диктовать условия. Но он смотрел в эти глаза, и он понимал — если он откажет, он потеряет эту душу навсегда. А он хотел её. Он хотел не просто убить, он хотел получить от Николая то же, что получил от Аркадия и Михаила — кусочек его мастерства, его таланта, его любви к своему делу.

— Хорошо, — сказал он. — Ты умрешь с бокалом в руке.

Они собрались быстро. Ворко помог Николаю надеть его старый пиджак, который чудом сохранился в его мешке, и они поехали на квартиру Ворко — не в подвал, не в канализацию, а в его собственную квартиру, в пентхаус с видом на город. Это был риск. Но Ворко хотел, чтобы ужин был идеальным. Он хотел, чтобы последний танец сомелье прошел на настоящей сцене.

Квартира Ворко была обставлена с минималистичной роскошью — белые стены, стеклянный стол, дорогая посуда. Он поставил тарелки, разложил продукты, и Николай, войдя внутрь, остановился как вкопанный. Он не мог поверить, что стоит в таком месте, с такими людьми, с такой едой.

— Это как сон, — прошептал он, проводя пальцами по краю стеклянного стола. — Я думал, я никогда больше не увижу такой сервировки.

— Сегодня ты увидишь, — сказал Ворко, открывая бутылку «Шато Марго». — И запомни — это не просто ужин. Это прощание. Ты прощаешься с жизнью, но ты делаешь это красиво.

Николай кивнул и сел за стол. Ворко начал готовить — он не был шеф-поваром, но умел делать простые вещи идеально. Он подал трюфельный ризотто, затем оленину с ягодным соусом, а в конце — тарелку с сырами и виноградом. Николай пробовал каждое блюдо и закрывал глаза, как будто вкушал небесную пищу.

— Боже, — шептал он. — Как я скучал по этому вкусу. По этим ароматам. По ощущению, что ты — бог, когда создаешь что-то прекрасное на тарелке.

— Ты был хорошим сомелье, — сказал Ворко, садясь напротив. — Я знаю. Я читал о тебе. Ты умел чувствовать вино, как чувствуют музыку.

— Это правда, — улыбнулся Николай. — Я чувствовал каждый нюанс. Мой нос был моим главным инструментом. А теперь... теперь я чувствую только запах дешевого портвейна и собственной мочи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.